

Нина Ягодинцева

Нина Александровна Ягодинцева – секретарь Союза писателей России, кандидат культурологии, профессор кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников Челябинского государственного института культуры. С 2010 г. ведёт Курсы литературного мастерства в Центре дополнительного профессионального образования ЧГИК.

Автор более 30 книг, изданных в России и Германии, переводов с азербайджанского и башкирского языков, а также более 700 публикаций в литературной и научной периодике России, Испании и США. Стихи Ягодинцевой вошли в ведущие современные поэтические антологии России.

Она лауреат ряда всероссийских и международных литературных премий в области поэзии, литературной критики, переводов, литературно-творческой педагогики и науки, член жюри Всероссийской литературной премии им. П. П. Бажова (Екатеринбург, 2007–2013), председатель жюри Южно-Уральской литературной премии (2012–2017). Награждена медалями Ассоциации писателей Урала – «За служение литературе» и Союза писателей Белоруссии – «За большой вклад в литературу».

Метафорическое мышление – мышление будущего

На цивилизационном перепутье, где мы сегодня оказались, история задала нам долгожданный вопрос: умные мы или красивые? Поскольку нам, естественно, хочется и того, и другого, мы на этот вопрос пока ещё не ответили – так и стоим в раздумье, и далеко не факт, что ответим верно. Между тем от нашего ответа будет зависеть, останемся ли мы вообще людьми или превратимся в другой вид – гибрид человека и машины, или – что тоже вероятно – исчезнем совсем.

И дело здесь в том, что современные технологии активно вторгаются в сферу мышления и стремятся не просто подменить человека как субъекта принятия решений, но и манипулировать им. Мы не будем говорить о том, в чьих интересах это делается, тем более что данные силы находятся вне зоны нашего доступа, – давайте лучше вспомним об интересах собственных и разберёмся с тем, что мы реально можем сделать, чтобы навязанный нам выбор – умные мы или красивые – не стал для нас роковым.

Начнём с того, что вокруг нас сегодня сжимают кольцо два сонаправленных процесса. Первый – это алгоритмизация мышления и совершенствование искусственного интеллекта, второй – снижение качества образования, его фрагментация, сведение живого и разнонаправленного человеческого мышления к выбору одного из предложенных вариантов ответа на любой вопрос – от мелких бытовых до философско-мировоззренческих. Широко закрытыми глазами мы наблюдаем взаимосвязь и взаимообусловленность этих процессов.

Нам говорят, что в результате развития искусственного интеллекта нас будут окружать умные вещи, умные дома, умные города, умные заводы и так далее – а нам останется быть только красивыми. Но что же тут плохого? Давайте разбираться.

Умная техника работает на основе алгоритма, который складывается по довольно простому прин-

ципу: в рамках линейной логики множественное повторение одного и того же действия позволяет сделать вывод о его правильности. То есть единственно правильным становится решение, одинаковое для всех.

И это первая ловушка искусственного интеллекта. Вспомните любую ситуацию, как вы мучились, пытаетесь изложить боту свою уникальную ситуацию. А он настроен на абсолютно стандартные решения, выбор которых ограничен. Но стандартного человека не существует! Есть вы – нестандартные и, по сути, уникальные.

И что же с вами делать? Упростить, стандартизировать, поставить жёсткие рамки выбора вариантов. Создать из человека полумеханизм, повторяющий стандартные действия и совершающий стандартные поступки, подпадающие под машинную логику. Мы все должны стать немножко машинами: образование должно учить нас правильно ставить галочки строго в нужных клеточках ЕГЭ, медицина должна лечить всех больных по единому протоколу, невзирая на индивидуальные противопоказания – и так далее по нисходящей вплоть до социального рейтинга, в цифрах показывающего, насколько человек совпадает со стандартом или отличается от него.

Однако насаждение подобного стандарта прямо противоречит принципу выживаемости человека как вида в постоянно меняющихся условиях: бытовых, социальных, природных, космических, где зачастую только точность, уникальность и нелинейная логика действия (так называемый «асимметричный ответ») становятся залогом выживания.

Мы уже понимаем, что искусственный интеллект в силу своей опоры на стандарт всегда и неизбежно будет даже не на шаг, а на десять-двадцать шагов отставать от живого, уникального человеческого интеллекта. Однако очарование его возможностями неизбежно, и соблазн решения с его

помощью ряда бытовых, рутинных задач может завести нас очень далеко – прямо в электронный концлагерь.

В общем-то, это типичное эволюционное противоречие: новые технические возможности в начале их освоения всегда представляются целью, а человек – средством для них. И сейчас на нас наступило именно это время. А что мы можем противопоставить неотвратимому прогрессу? И можем ли в принципе?

Да, можем – вполне. У нас есть два колоссальных преимущества для того, чтобы вернуть всё на свои места – сделать целью развития самого человека, а технические возможности использовать как средства для развития.

Первое преимущество – наличие воли к развитию. Эта воля, конечно, была существенно ослаблена эпохой потребления, но её можно возжечь, и довольно быстро, поскольку мы уже поняли, что потребление как цель бессмысленно и разрушительно, если не сказать – гибельно.

Второе преимущество – способность к творчеству, а творчество, собственно, и есть инструмент развития, наш принцип отношения к реальности, но самое главное – способ мышления. Вот о способе мышления мы сегодня и поговорим.

Если алгоритмы искусственного интеллекта выстраиваются на основе многократно повторяемых одинаковых мысленных форм, выводов, решений, действий – составить конкуренцию им может только оригинальное, гибкое, творческое мышление, выстраивающее мгновенные уникальные комбинации высокой степени точности. Собственно, такое мышление у нас есть – это метафорическое мышление. Сегодня мы пользуемся им, почти не задумываясь о его закономерностях и эволюционных преимуществах.

Классическое определение гласит: метафора – слово или выражение, употребляемое в переносном значении, в основе которого лежит сравнение предмета или явления с каким-либо другим на основании их общего признака. Учитывая бесконечное количество возможных комбинаций предметов и явлений в Мироздании, мы смело можем сказать, что метафорическое творчество бесконечно и может быть ограничено только нежеланием человека познавать мир, в котором он живёт.

Итак, в чём же выгоды и преимущества метафорического мышления? Почему будущее – именно за ним, а «умным» машинам останутся только простые задачи, которые человеку не интересны?

Аргумент первый – высокая степень точности метафорического мышления. Даже не так – иной характер точности. Для искусственного интеллекта, как мы сказали, верно то, что одинаково для всех и многократно подтверждено повторением. Как называется такая точность в литературе? Правильно – штамп! И штамп в литературе всегда является признаком дилетантизма или бездарности. Метафора точно соответствует состоянию говорящего, учитывает состояние предполагаемого

адресата и конкретные обстоятельства, в которых она формулируется. Три степени защиты уникальности – можно сказать и так.

Аргумент второй – метафора способна обновлять вещи, воплощать их в новые образы. Искусственному интеллекту это недоступно в принципе: чтобы новизну запрограммировать, её нужно многократно повторить, то есть уничтожить. Метафорическое мышление преобразует всем известный предмет бесконечно. Давайте посмотрим, каким может быть самый привычный объект – луна – в разных образах:

*Когда лежит луна ломтём чарджуйской дыни
На краешке окна... (А. Ахматова)*

*И светится месяца тусклый осколок,
Как старый зазубренный нож... (А. Ахматова)*

*И ржавый месяц колосом налитым
Тянулся к травам низким и сырým
(Э. Багрицкий)*

Вышел месяц, сгорбился бобыль... (В. Богданов)

*Месяц, жёлтыми крыльями хлопая,
Раздирает, как ястреб, кусты... (С. Есенин)*

А как же, скажете вы, машина пишет стихи? Ну вот вам ближайший пример с сайта «Кибер-Пушкин»:

*Импозантные сосульки
разукрасили брикеты
Сочных, свежих помидор
Подморщили их гнилью
Рыжей в совести бездонной
Разложенья вальс несётся
нагнетая повороты,
Ноги, падшие на землю
разукрасив синяком*

Вот что пишет автор проекта Сергей Тетерин: «Я научил его всему, что нужно: поэтическому ритму, правилам рифмования, специфике поэтического лексикона, а также «поэтическому взгляду на мир». Забил в базу данных лучшие образцы поэзии Есенина, Мандельштама, Вертинского и Пригова... И что в итоге? Обнаружил, что Кибер-Пушкин пишет полную белиберду, да еще и с чудовищными орфографическими ошибками!

Поначалу я посчитал это провалом амбициозного проекта и на какое-то время оставил машину-поэта в покое. Но потом восхищённые отзывы моих знакомцев в Сети и в реале заставили меня поменять своё мнение». Позвольте не комментировать это высказывание. Тут всё ясно. Кибер-Пушкин сейчас путешествует по кибер-выставкам и потешает почтенную публику.

Далее пошёл в своих рассуждениях Дмитрий Кравчук, один из создателей программы рифмо-

вания: «А так ли уж важно, с подделкой мы имеем дело или с оригиналом? Может быть, стихи – это всего лишь пища для нашего сознания, и может она быть как натуральной, так и искусственной? Ее питательная ценность целиком зависит от нашего внутреннего восприятия и от «культурного слоя» – общепринятых правил интерпретации образов, штампов».

Появился даже специальный термин: нейро-поэзия. Но специалисты считают, что вопрос: «Что хотел сказать автор?» в данном случае остаётся без ответа. Можно только создавать свои интерпретации – то есть додумывать и толковать с точки зрения человека хаотический текст, составленный по принципу случайных сочетаний штампов, смысловые связи между которыми создаёт сам читатель.

Позвольте здесь сделать небольшое лирическое отступление. Суть эпохи постмодерна заключалась в том, что это было искусство цитирования, высмеивания цитаты, разрушения смысла. Поэтому следующим этапом логически становится уже автоматическое, машинное перелопачивание уже созданного человеком. А мы, красивые, постоим рядом.

Аргумент третий: метафора работает как инструмент познания: уподобляя ещё незнакомое уже знакомому по какому-то общему признаку, мы опознаём и осваиваем неведомое. Так, обживая мир вокруг себя, наши предки уподобляли небесные явления земным (месяц-пастух пасёт в ночном небе стада звёзд, и вся великолепная русская национальная метафорика, собранная Александром Николаевичем Афанасьевым в фундаментальном труде «Поэтические воззрения славян на природу»).

Аргумент четвёртый: метафора может работать как инструмент упорядочивания. Желая для себя жизни спокойной и устойчивой, русские крестьяне создавали свой дом как малый Космос, где солнцем был очаг, Млечным путём – матица, потолочная балка, держащая крышу, местом, где восходит солнце, – красный угол, и такая модель Вселенной внушала человеку мысль, что этот дом будет устойчив и вечен, как вечен и устойчив мир. (Сергей Есенин «Ключи Марии»).

В основе каждой культуры лежит подобный корпус метафор, определяющих мир и человека в нём через сравнение, уподобление, превращение. И на этом фундаменте возрастает и развивается в индивидуальном поэтическом творчестве дальнейшее познание и устройство мира.

Метафора – только инструмент преобразования. Результат её действия – создание нового образа, новой цельной единицы информации, соединяющей в себе исходное ядро (идею вещи или явления) и обновлённые (развёрнутые в другом смысловом пространстве) связи. Новый образ заключает в себе двойственную реальность: сохраняя исходный смысл, он обогащает его новым содержанием. И тут происходит не просто соединение различных понятий – **происходит умножение смысла,**

потому что начальный никуда не девается, на него накладывается новый смысл. И это наш **пятый аргумент** в пользу метафорического мышления. Давайте разберём на примере:

Солнце грызло удила... (Д. Самойлов)

Начальная точка преобразования – солнце. Конечная – скакун. Что добавляется к образу солнца? Нетерпеливая мощь, динамика, ещё и появляется тот, кто оседлал солнце для стремительного движения по небу... Ещё один пример, тоже о солнце:

*Эта красная шляпа над морем,
Эта зимняя бабочка тьмы... (Н. Тихонов)*

Здесь два преобразования, одно из которых превращает солнце в дамский аксессуар, то есть делает простым, понятным, отчасти декоративным элементом, и вдруг появляется совершенно неожиданная динамика, порхание, мистический эмоциональный, смыслово парадоксальный знак – *зимняя бабочка тьмы...* И так, двойным преобразованием, превращением солнца в бытовой предмет, и сочетание его с мистическим существом – *зимняя бабочка тьмы* – обозначается жизненное испытание – и его преодоление к финалу.

*Этот год,
что был горестно-горек,
Затаим в своей памяти мы,
Эту красную шляпу над морем,
Эту зимнюю бабочку тьмы.
Этот год,
что ворвался разбойно,
Табуны заарканив тревог,
Всею тяжестью дней беспокойных
Жизнь тиранил и ранил, как мог.
Но в глубинах
мучений незримых,
Среди враз обвалившихся бед,
Жизнь, сомненьем
и болью палима,
Вдруг нашла в себе силу и свет.*

Таким образом, метафорически выстроенный текст способен передать информации во много раз больше, чем текст линейный или даже просто прозаический, где, конечно, метафоры используются, но принципиальной основой текста не являются.

Надо сказать ещё, **что метафора формирует и воспитывает отношение к различным явлениям жизни.** Например, Родина превращается в родовое древо, и мы понимаем, что листья, ствол, ветви, корни – это всё одно целое:

*Я ветвь меньшая от ствола России,
Я плоть её, и до листвы моей
Доходят жилы, влажные, стальные,
Льняные, кровяные, костяные,
Прямые продолжения корней. (А. Тарковский)*

Или прекрасный образ в стихотворении
А. Вознесенского:

*Сквозь дождик плещущий
космического сентября,
набросив Россию на плечи,
поёживается Земля...*

Метафора – пожалуй, самый мощный инструмент языка. Благодаря метафоре в нашем сознании происходят процессы преобразования (явление духовного порядка) и преобразования (явление материального порядка), и каждая вещь может превратиться в нечто иное, новое, неведомое. По большому счёту, мир через схожие признаки объединяется в единое целое, и потому можно сказать, что **метафора снижает энтропию, распад сознания, и это наш седьмой аргумент** в пользу метафорического мышления.

Два основных свойства окружающего нас мира – его **единство, и в то же время бесконечное разнообразие**, – неразделимые противоположности, но это, казалось бы, очевидное неразрешимое противоречие, легко снимается метафорой. Наше воображение при этом работает без всякой сторонней помощи, без гаджетов, костылей для мозга, и результатом такой работы по законам подлинного искусства становятся истина, добро и красота.

Каковы же оперативные возможности этого инструмента? Способы перенесения смысла можно классифицировать по нескольким основным признакам.

Во-первых, по принципу соотнесения – это может быть сходство («*Но упала любовь на сурового Данта, как на камень серьга золотая*», Д. Самойлов) или контраст («*Любовь есть предисловие к разлуке*», И. Бродский). По принципу внешнего сходства смысловое пространство расширяется, вовлекая новые вещи, по принципу контраста – сужается, формируя два смысловых полюса.

Во-вторых, классифицировать метафоры можно по степени условности. Полностью условно сравнение – оно содержит слова «как», «словно», «подобно», «будто» или тире, указывающее на прямое сопоставление двух далёких друг от друга понятий («*И перо утопает, как спица, в пряже вымыслов, здравых вполне*» (Ю. Мориц). «*Стемнело. Приблизилось небо к земле, как будто к ладони ладонь*» (Н. Матвеева). И мы видим, что при внешнем сходстве вещи, которые сопоставляет метафора, в принципе, так и остаются далёкими друг от друга.

Когда от вещи к вещи переносится только имя, мы имеем дело с метонимией. Существует множество разновидностей метонимии: прямое значение слова может накладываться на переносное («*Зал аплодировал*», где одним словом обозначаются

и помещение, и зрители, и происходит совмещение смыслов); название материала переходит к предмету, изготовленному из него («*Все руки в золоте*», где совмещаются материал, из которого сделаны украшения, и сами украшения, и происходит сужение смысла); имя творца переходит к творению («*Прочёл всего Достоевского*», где имя Достоевского совмещено с его произведениями), и так далее.

И, наконец, собственно метафора – прямое превращение одной вещи в другую:

Белые письма зимы (Л. Кулешова);

*Апрель ударил голубым крылом
О городскую чёрствую дорогу (М. Исаковский).*

Метафоры можно классифицировать и по вектору перехода – он бывает восходящим, при этом конкретная вещь становится абстрактной (*метеорит, небесное посланье*); нисходящим, при этом абстрактная вещь конкретизируется, материализуется (*улыбка твоя холодна как снежинка*) и горизонтальным («*Опять, как водка на анисе, земля душиста и крепка*», Б. Пастернак). Мы видим, что наиболее информативными являются вертикальные (восходящие и нисходящие) метафоры, а горизонтальная метафора тоже может быть максимально информативной, если в её границах происходят существенные превращения.

Мы привели только базовые модели переосмысления. Реализуются они в разных масштабах: метафора может охватывать несколько фраз, речевых периодов или всё произведение целиком – в последних двух случаях она называется развёрнутой. Степень развёрнутости метафоры зависит от художественной задачи.

И ещё один момент, о котором нельзя не сказать. **Метафору невозможно придумать.** Она мгновенно рождается тогда, когда активизируются все связи сознания, когда человек находится в состоянии избытка энергии, вдохновения, расширенного сознания. То есть мы говорим об экстатическом состоянии – состоянии глубокой сосредоточенности и ясности, способном концентрировать энергию, превратить её в связь и осуществить преобразование. Метафора – инструмент сильных.

С позиции этой силы и нужно делать свой выбор на цивилизационном перепутье. Человек – уникален, и творчество – главный тому аргумент. Машина универсальна – и вполне способна стать достойным помощником развития, а не стандартизатором и регулятором нашей жизни. Выбирая между умными и красивыми, давайте выберем – мыслить красиво, мгновенно и точно, давайте учиться и учить этому.